ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НИКОЛАЯ, АЛЕКСАНДРА и МИХАИЛА БЕСТУЖЕВЫХ

РАССКАЗ НИКОЛАЯ БЕСТУЖЕВА «ПОХОРОНЫ» (1829)

Публикация и вступительная статья И. С. Зильберштейна

С полной точностью установить состав литературного наследия Николая Александровича Бестужева сейчас уже невозможно. Поразительна разносторонность этого высокоодаренного человека: Бестужев писал стихи, рассказы, повести и в то же время занимался научными исследованиями в области истории, экономики и точных наук, с увлечением вел путевые записки, писал мемуары, переводил и, наконец, в годы ссылки и поселения настойчиво трудился над очерками, характеризующими богатство края, быт и нравы народов Сибири, собирал материалы для словаря местной народной речи и работал над статьями, трактующими вопросы, которые волновали мастеров русского изобразительного искусства. При этом ни одна из работ Николая Бестужева не была работой дилетанта: Николай Бестужев — профессионал, находившийся на высоком уровне познаний и мастерства в каждом из занимавших его видов литературного и научного творчества.

Многие работы Николая Бестужева утрачены безвозвратно. Одни погибли после разгрома восстания, когда участники тайных обществ и их друзья уничтожали свои архивы; другие погибли в Читинском остроге и в Петровской тюрьме, когда осужденные декабристы уничтожали свои бумаги в ожидании «осмотров»; частично погибли и на поселении, когда поселенцам грозили обыски. И все же в архивах сохранилось немало произведений Николая Бестужева, остававшихся невыявленными до самого последнего времени; кое-что, несомненно, и сейчас еще не приведено в известность[1]. С полным основанием можно предположить, что исследователи, продолжая углубленные розыски, обнаружат произведения Николая Бестужева, до сих пор неизвестные. Тому порукой находки последних лет. Так, в 1952 г., через 130 лет после написания, было найдено замечательное исследование Николая Бестужева «Опыт истории российского флота», в котором он выступает в качестве историка, впервые создавшего широкую картину развития русского флота с древнейших времен до времени Петра I. Из объемистой рукописи этого труда в 311 листов было раньше известно лишь краткое введение и отрывок, озаглавленный «Сражение при Гангоудде 1714 года», которые успел опубликовать сам автор [2]. Недавно нам удалось разыскать одно из тех беллетристических произведений Николая Бестужева, которые он написал в «казематскую эпоху», то есть в годы пребывания в Читинском и Петровском острогах. Это — рассказ под названием «Похороны».

I

Свыше полувека в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранится альбом, содержание которого в карточном каталоге обозначено так: «Альбом, подаренный Каннист, Александре Алексеевне (списки и выписки стихотворений, писем декабристов, своих воспоминаний, изречений и др. материалов 1827—1860-х годов). Рукою Н. И. Лорера». И это — все, что сообщает карточка каталога о содержании альбома. Неудивительно, что в течение полувека ни один из многочисленных исследователей декабристского движения, работавших в Отделе рукописей Румянцевской, а затем, с 1924 г., Государственной библиотеки СССР имени

В. И. Ленина, альбомом этим не заинтересовался: судя по листу использования рукописи, альбом ни разу не был рассмотрен никем из них. Между тем в карточке каталога дана лишь обобщенная, глухая характеристика материала и никак не учтено то, что в альбом вписаны тексты интереснейших литературных произведений и документов, связанных с историей декабризма. Эти рукописи и документы до сих пор не изданы, а подлинники их утрачены.

Альбом этот весь, от первой до последней страницы,— а всего их 174 — писан рукою декабриста Н. И. Лорера в 1866 г., в «благословенной Малороссии», как называл он Украину, где родился и где провел последние годы своей жизни. Воспитывался Лорер в семье П. В. Капниста, в которой он, по собственному утверждению, «был принят, как сын». И на всю жизнь Лорер сохранил самые дружеские отношения не только с семьей П. В. Капниста, но и с членами семьи его брата — известного писателя-вольнолюбца, противника крепостного строя, автора «Ябеды» и «Оды на рабство». Дочь писателя, С. В. Капнист-Скалон, неоднократно упоминающая в своих мемуарах имя Н. И. Лорера, пишет: «С детства мы были очень дружны». В другом месте она говорит о Лорере: «товарищ детства моего <...>, которого мы любили истинно, как самого близкого родного»[3]. Дружен был Лорер и с сыном писателя, подполковником А. В. Капнистом, членом Союза Благоденствия, адъютантом Н. Н. Раевского. После восстания декабристов А. В. Капнист подвергся трехмесячному заключению в Петропавловской крепости, затем был освобожден «со вменением ареста в наказание», а в начале 1827 г. уволен от службы. Вторую половину жизни А. В. Капнист провел в своем родовом имении Обуховке, в Полтавской губернии. Лореру, после четырнадцатимесячного заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости и шестилетнего — в Читинском и Петровском острогах, после пяти лет поселения в глуши Тобольской губернии и, наконец, после военной службы на Кавказе, длившейся четыре года, было разрешено поселиться — без права выезда — в имении брата, в с. Водяное Херсонской губернии. Здесь в 1849 г. его посетила С. В. Капнист-Скалон. В пятидесятых годах, когда Лорер был освобожден от надзора, а затем и от всех ограничений, он часто приезжал в Обуховку, где жил А. В. Капнист с семьей. В своих воспоминаниях С. В. Капнист-Скалон рассказывает, что в первый приезд Лорер «встречен был с искренней дружбой, любовью и с живым участием людьми, которые с детства привыкли его любить и не переставали горевать о нем во все тяжкие годы его изгнания. В это-то время он рассказал нам историю жизни своей»[4].

В середине шестидесятых годов Лорер работал над своими воспоминаниями[5]. Не раз, повидимому, отрывки из них он читал друзьям в Обуховке, читал и сохраненные им в копиях литературные произведения своих «соузников», написанные в острогах. Среди слушателей самой, быть может, внимательной была старшая дочь декабриста А. В. Капниста, любимица Лорера, двадцатилетняя Александра Алексеевна (1845—1920)[6]. Б. Н. Чичерин, познакомившийся с ней в те годы, рассказывает: «Я увидел прелестный ангельский лик, напоминавший мадонны Беато Анджелико. Это был женский образ <...>, полный грации и поэзии»[7]. Александре Капнист Лорер и подарил альбом, в который вписал отрывки из своих воспоминаний, фрагменты из переписки с товарищами по каторге и некоторые из литературных произведений декабристов. Подарок был сделан в рождественские дни 1866 года.

На крышке альбома, обтянутой скромным темнозеленым коленкором, вытеснены инициалы владелицы и дата: «А. К. 1866»[8]. Открывается альбом стихотворным посвящением, принадлежащим перу Лорера. Приводим его полностью:

АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСЕЕВНЕ КАПНИСТ

Пусть нежной думой — жизни цветом —
Благоухает твой *альбом!*
Пусть будет дума та заветом
И верным памяти звеном!
И <ежели> *альбома* данник
Окончит грустный путь земной,

И, лучшей жизни новый странник,
Навек разлучится с тобой,—
Взгляни с улыбкою унылой
На мысль, души его завет,
Как на пустынный скромный цвет,
Цветущий над могилой.

Ноября 27
1866 г.

На следующем листе вписан текст послания Пушкина декабристам («Во глубине сибирских руд...»), в то время в России еще не опубликованный. Далее в альбом вписаны вперемежку стихи, рассказы, письма, отрывки из мемуаров, разные афоризмы и рассуждения, почерпнутые из произведений русских и иностранных писателей. Лорер включил сюда отрывки из своих воспоминаний — о пребывании в Петропавловской крепости, о смерти А. Г. Муравьевой в Петровском заводе, о знакомстве и встречах с А. И. Одоевским и М. Ю. Лермонтовым и др. Тексты некоторых из этих отрывков не вполне совпадают с текстом опубликованных «Записок» Лорера. Значительный интерес представляют включенные в альбом фрагменты из переписки декабристов, в печати до сих пор не известной: письма самого Лорера к Е. И. Трубецкой (1833 г., из Кургана), к А. И. Коновницыной (из Кургана), к Херхеулидзевой (6 октября 1839 г., из Тамани), письма к Лореру декабристов А. Е. Розена, А. Ф. Бриггена, В. Н. Лихарева. В альбоме помещены также тексты писем к Лореру поэта М. В. Дмитревского, знакомого Лермонтова по Кавказу. Наибольшее число литературных произведений, внесенных в альбом, принадлежит А. И. Одоевскому: это стихи «К Янушкевичу», «Ты знаешь их, кого я так любил...», «На смерть П. П. Коновницына», «Два образа», «Далекий путь» и «Звучит вся жизнь, как звонкий смех...». Лорер был дружен с Одоевским, поэтому можно отнестись с доверием к его комментариям, которые следуют в альбоме за стихотворениями. Так, Лорер сообщает, что в стихотворении «Два образа» поэт «почтил память» своей умершей матери и убитого Грибоедова (это до сих пор не было известно: редактор последнего издания сочинений Одоевского писал: «О чьих именно образах вспоминает в этом стихотворении Одоевский,— сказать не можем» [9]). В альбом включены произведения С. И. Муравьева-Апостола и А. П. Барятинского. На листах 17—22 альбома Лорер вписал текст рассказа Николая Бестужева «Похороны».

II

Первое — и до настоящего времени единственное — краткое указание на самый факт существования рассказа «Похороны» появилось в 1931 г. Публикуя по рукописи отдельным изданием воспоминания Лорера, М. В. Нечкина указала: «После страницы „Записок" с заключительными стихами и датой, на следующей странице начинается: „Прибавление к моим запискам: копии с писем и литературных произведений в прозе и стихах,—товарищей моего изгнания в Сибири"». Вслед за тем приведен перечень девятнадцати литературных произведений и писем, вошедших в «Прибавление», и в их числе: «Н. Бестужев. Похороны. Рассказ» [10]. В том же примечании исследовательница пишет: «Так как это „Прибавление" не содержит текстов, автором которых являлся бы Н. И. Лорер, мы не публикуем его в настоящем издании». В заключение М. В. Нечкина сообщала, что «ценные материалы» из этого «Прибавления» будут использованы ею «в подготовляемых к печати работах о декабристах». Но рассказ Бестужева так и не был издан, а рукопись воспоминаний Лорера, хранившаяся еще в 1930-х годах вместе с «Прибавлением» в Фундаментальной библиотеке общественных наук Академии наук СССР, в годы Великой Отечественной войны оказалась утраченной [11].

Но зато до наших дней дошли копии обеих рукописей, снятые еще при жизни Лорера. Дело в том, что в конце шестидесятых годов Лорер передал редакции журнала «Русский архив» рукопись своих воспоминаний вместе с «Прибавлением». В редакции все это было скопировано, а в 1874 г.— уже после смерти автора — вместе с отрывками из «Записок», относящимися к пребыванию Лорера в Кавказском корпусе, под

общим заголовком «Прибавление к моим запискам», напечатано, однако далеко не полностью. В журнале появились всего лишь четыре текста (да и то с пропусками и искажениями), извлеченные из «Прибавления»: два стихотворения А. И. Одоевского, письмо А. Ф. Бриггена к А. Е. Розену от 15 ноября 1833 г. из Пелыма, содержащее сведения о фельдмаршале Минихе, и стихи Пушкина «Во глубине сибирских руд...». Так, в случайной подборке, среди другого материала, было впервые напечатано в России обращение Пушкина к декабристам [12]. Частично опубликованные, копии «Записок» и «Прибавления» пролежали затем в редакции «Русского архива» без дальнейшего использования сорок с лишним лет, а после революции поступили в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Но в каталоге Отдела хранящаяся здесь копия «Записок» не отмечена, нет в каталоге и ссылочных карточек на те литературные и документальные тексты, которые содержатся в «Прибавлении» к воспоминаниям Лорера. Наконец, в выпущенном в 1951 г. печатном указателе воспоминаний, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, где сообщены сведения о копии «Записок» из бумаг «Русского архива», нет ни слова о том, что к этому списку мемуаров Лорера приложены копии литературных произведений и писем декабристов [13].

Вот причины, по которым рассказ Николая Бестужева до сих пор находился в безвестности, несмотря на то, что рукою Лорера он был переписан в альбом, подаренный Александре Каннист, несмотря на то, что рассказ содержался в «Прибавлении» к мемуарам Лорера, а также в копии «Прибавления», снятой редакцией «Русского архива». Несмотря на все это, рассказ Бестужева оставался вне поля зрения исследователей. А между тем еще девяносто лет тому назад, работая над своими воспоминаниями, Лорер мечтал обнародовать в качестве приложения к ним известные ему произведения и письма декабристов. Мечта его не только не осуществилась, но многие из тех текстов, которые он бережно сохранял, до сих пор не опубликованы. Неопубликованным оставался и сохраненный Лорером в копии рассказ Николая Бестужева «Похороны».

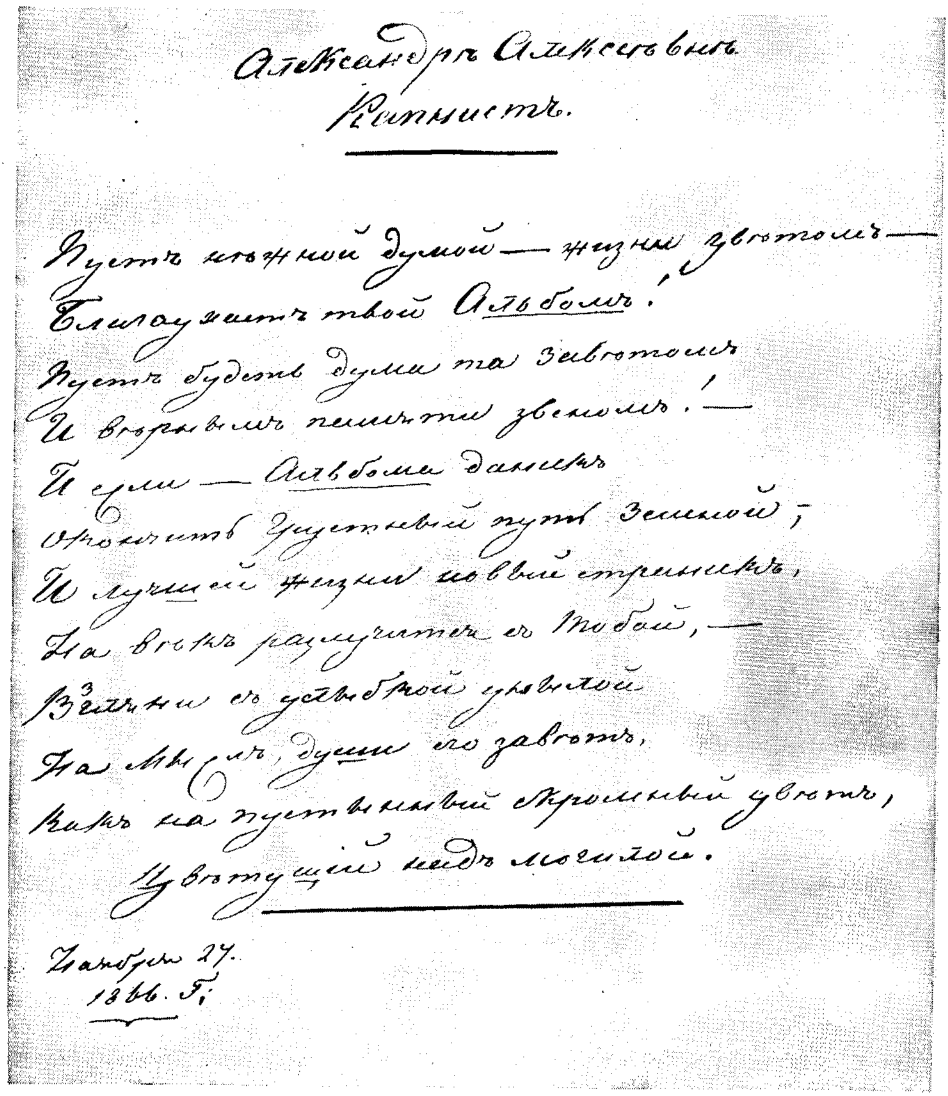
III

Где и когда рассказ этот был написан?

Под текстом рассказа, внесенного в альбом Каннист, Лорер написал: «От Николая Бестужева передано Н⟨иколаем⟩ И⟨вановичем⟩ Л⟨орером⟩. Ос⟨трог⟩ Чита. 1833». Судя же по копии «Русского архива», текст рассказа, приведенный в основном экземпляре «Прибавления», снабжен был такой надписью, сделанной рукою того же Лорера: «Николай Бестужев. Писано в Остроге Чита. 1831 года» [14]. Эти указания Лорера не только исключают друг друга, но и содержат также явные ошибки. Прежде всего с января 1833 г. Лорер был уже не в «остроге», а на поселении: в конце декабря 1832 г. он получил приказ отправиться на жительство в местечко Мертвый Култук за Байкалом. В Читинском же остроге декабристы были заключены лишь до 7 августа 1830 г.; в этот день двумя партиями они были отправлены пешком во вновь отстроенную тюрьму на территории Петровского завода; сюда они пришли 23 сентября и здесь находились до тех пор, пока не окончился срок приговора.

Где и когда был написан рассказ,— об этом Лорер сообщает противоречиво. Противоречия неудивительны,— указания сделаны были Лорером через тридцать пять лет после выхода из тюрьмы. Противоречия эти можно устранить. Прежде всего следует учесть, что люди чаще ошибаются в обозначении даты, чем в обозначении местности; *где* произошло событие, помнится, как правило, отчетливее и дольше, чем *когда* оно произошло. По всей вероятности, Лорер правильно обозначил место, где был написан рассказ,— Чита, тем более что в обеих копиях оно совпадает. А если предположить, что место указано правильно, можно исправить и хронологические ошибки. Как известно, в Читинский острог Николай Бестужев был доставлен в середине декабря 1827 г.,— значит, рассказ был написан не ранее 1828 г. и не позднее первой половины 1830 г. Правильнее же всего, как мы постараемся доказать далее, датировать «Похороны» 1829 годом.

Существует множество документальных свидетельств о том, с каким увлечением декабристы в Читинском остроге отдавались занятиям наукой и литературой, как серьезно изучали они иностранные языки. Рассказывая о культурной жизни в остроге, Д. И. Завалишин подробно останавливается на литературных занятиях. «Литературные произведения были очень многочисленны,— пишет он.— Не говоря уже о перево-



Александръ Алексѣевнѣ
Капнистъ.

Пусть нѣжной думой — жизни цвѣтомъ —
Благоухаетъ твой Альбомъ!
Пусть будетъ думы та завѣтомъ
И вѣрнымъ памяти звеномъ! —
И если — Альбома данникъ
Окончитъ грустный путь земной,
И лучшей жизни новый странникъ,
На вѣкъ разлучится съ Тобой, —
Взгляни съ улыбкой унылой
На мысль, души его завѣтъ,
Какъ на пустынный скромный цвѣтъ,
Цвѣтущій надъ могилой.

Январь 27.
1866. г.

СТИХОТВОРЕНИЕ Н. И. ЛОРЕРА, ПОСВЯЩЕННОЕ А. А. КАПНИСТ
И ВПИСАННОЕ В ПОДАРЕННЫЙ ЕЙ АЛЬБОМ, 1866 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

дах, было много и самостоятельных творений. Поэтические произведения Одоевского и басни Бобрищева-Пушкина заняли бы с честию место во всякой литературе. Корнилович и Муханов занимались изысканиями, относившимися к русской старине, и пр. Занятия политическими, юридическими и экономическими науками были общие и по этим предметам написано было много статей. Для обсуждения всех новых произведений были устроены правильные собрания, которые называли в шутку академией. Очень

развита была также легкая и сатирическая литература; для некоторых стихотворений была сочинена и музыка»[15]. Завалишин называет имена лишь немногих декабристов, занимавшихся в остроге литературой; в действительности их было значительно больше.

Деятельно и разносторонне с первых дней пребывания в Читинском остроге работал и Николай Бестужев. Он не только занялся всевозможными техническими усовершенствованиями и изобретениями, не только уделял время созданию портретной галереи декабристов, но принял большое участие и в литературной жизни товарищей. В этом не было ничего неожиданного, так как тем самым он, по существу, лишь продолжал свою прежнюю деятельность: в последние годы перед арестом Бестужев систематически работал в области художественной прозы. Сам он в «Воспоминании о Рылееве» сообщает о повести, законченной им незадолго до ареста и прочитанной поэту-декабристу; повесть эта произвела на Рылеева большое впечатление. А в альманахе «Северные цветы» на 1826 г., уже тогда, когда Бестужев находился в Петропавловской крепости, появился — разумеется под псевдонимом — его рассказ «Трактирная лестница». Работу в области художественной прозы Бестужев не оставлял и в Читинском остроге: там он набросал несколько морских повестей, там он, повидимому, если и не успел закончить, то во всяком случае начал писать рассказ «Шлиссельбургская станция» («Отчего я не женат»)[16]. Отзвуком тех же интересов явился и рассказ «Похороны».

Естественно возникает вопрос: не было ли у Николая Бестужева каких-либо других планов, когда он создавал это произведение, кроме желания прочитать его узкому кругу своих товарищей по каторге? На вопрос этот мы имеем возможность ответить.

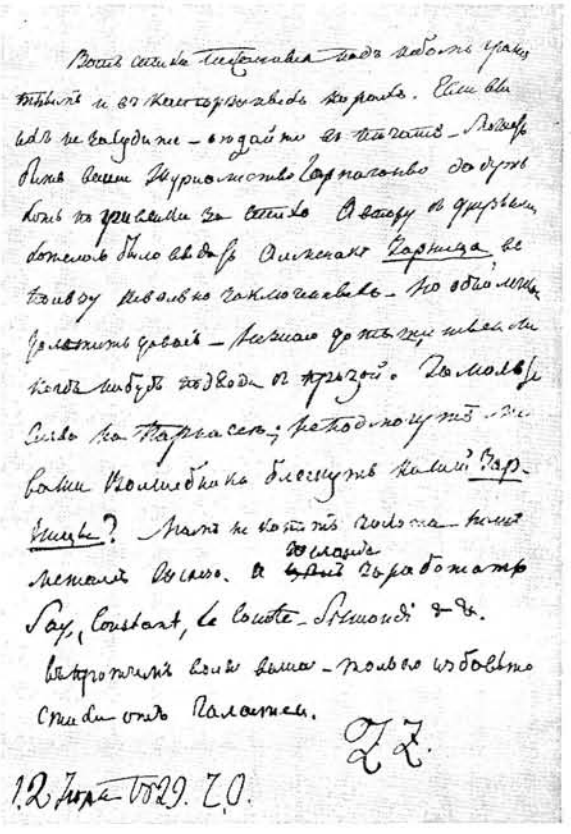
Одним из наиболее энергичных людей в кругу декабристов, заточенных в Читинском остроге, был Петр Александрович Муханов. Он сам был литератором и до ареста, состоя в звании штабс-капитана лейб-гвардии Измайловского полка, пробовал свои силы в разнообразных литературных жанрах: написал либретто к комической опере А. А. Алябьева «Лунная ночь, или домовые»[17], писал статьи по военным и историческим вопросам для «Сына отечества», «Северного архива», «Московского телеграфа», выступал в качестве мемуариста и переводчика. В дни следствия по делу декабристов вышел в свет альманах «Урания» на 1826 г., в котором был напечатан (подписанный буквами Z.Z.) очерк о московской жизни— «Святая неделя», автором которого был уже арестованный в то время Муханов. В годы, предшествовавшие декабрьскому восстанию, Муханов, будучи знаком со всеми выдающимися писателями эпохи, не чужд был и организаторской деятельности в области литературы. Особенно дружен был он с Рылеевым, посвятившим ему думу «Смерть Ермака». Из их переписки — несомненно, весьма значительной по объему — до нас дошли лишь четыре письма Муханова и одна доверенность Рылеева. Но и по ним можно судить о той большой помощи, которую Муханов оказывал своему другу в его литературных начинаниях[18]: он принимал активное участие в выпуске отдельных изданий «Дум» и «Войнаровского», помогал Рылееву получить для «Полярной звезды» произведения видных писателей,— в том числе Пушкина,— сообщал ему суждения таких людей, как Пушкин и М. Ф. Орлов, о его новых книгах. В 1825 г. Муханов пытался осуществить издание военного журнала и с этой целью направил начальнику Главного штаба письмо, в котором сообщал, что лучшие тогдашние военные писатели обещали сотрудничать в этом журнале. К письму была приложена подробная, широко задуманная программа журнала. Никакого интереса к этому предложению начальник Главного штаба не проявил. Вскоре Муханову был объявлен выговор за то, что он обратился с тем же предложением в Московский университет, предварительно не испросив согласия своего начальства,— в этом было усмотрено нарушение военной дисциплины[19].

С новой силой энергия Муханова пробудилась в стенах Читинского острога. Именно он, как свидетельствует Михаил Бестужев, был в Чите инициатором литературных вечеров. Муханов, с мнениями которого в вопросах художественного творчества декабристы очень считались, несомненно, побуждал товарищей к занятиям литературой, особенно рекомендуя взяться за перо тем из числа пишущей братии, кто пришел в острог опустошенным и разбитым. Именно Муханову и принадлежала идея попытаться выпустить в свет альманах, составленный из произведений декабристов; идея эта получила горячую поддержку среди заключенных и побудила их написать стихотво-

АВТОГРАФ ПИСЬМА П. А. МУХАНОВА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ ОТ 12 ИЮЛЯ 1829 г. ОБ ИЗДАНИИ АЛЬМАНАХА «ЗАРНИЦА», СОСТАВЛЕННОГО ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЕКАБРИСТОВ

Было переслано нелегальным путем из Читинского острога

Центральный архив литературы и искусства, Москва



рения, басни, рассказы, повести. Вот что вспоминает об этом замысле Михаил Бестужев: «Муханов как председатель нашего общества и как истый любитель русской литературы и компетентный ценитель ее упросил некоторых дам написать в Петербург к родным и попытать, не будет ли позволено нам печатать наши сочинения, т. е. сочинения всего нашего литературного кружка, так как, по его мнению, уж очень довольно было написано очень дельного по всем отраслям литературы. Дамы согласились. Писали в Петербург — в Петербурге просили, ходатайствовали, и ответом было — молчание» [20]. До нашего времени дошел замечательный документ, связанный с тем же замыслом,— письмо от 12 июля 1829 г., которое Муханову удалось нелегальным путем переслать из Читинского острога в Москву своему приятелю П. А. Вяземскому. Письмо это гласит:

Вот стихи, писанные под небом гранитным и в каторжных норах. Если вы их не засудите — отдайте в печать. Может быть, ваши журналисты Гарпагоны дадут хоть по гривенке за стих. Автору с друзьями хотелось было выдать альманах *Зарница* в пользу невольно заключенных. Но одно легкое долетит до вас. Не знаю, дотащится ли когда-нибудь подвода с прозой. Замолвьте слово на Парнасе: не подмогут ли ваши волшебники блеснуть нашей *Зарнице*? Нам не копить золота: наш металл — железо, а желание заработать — Say, Constant, le comte Sismondi etc. * Впрочем, воля ваша, только избавьте стихи от «Галатеи».

Z. Z.

12 июля 1829. Ч⟨итинский⟩ о⟨строг⟩ [21].

Письмо это примечательно во многих отношениях. Как видно из письма, Муханов и все те, кто был вместе с ним, верили, что задуманный альманах удастся издать.

* Сэй, Констан, граф Сисмонди и т. д. (франц.).

Заслуживает внимания в этом письме и выражение «каторжные норы», заимствованное Мухановым из пушкинского послания декабристам.

Вместе с этим письмом Муханов переслал Вяземскому тетрадь со стихами А. И. Одоевского. Некоторые из этих стихов удалось напечатать в 1830 г. в «Литературной газете», остальные были опубликованы в альманахе «Северные цветы» на 1831 г.— в обоих случаях, конечно, анонимно. Стихи эти были первыми произведениями Одоевского, появившимися в печати.

Что еще предполагалось включить в «Зарницу»— в точности неизвестно. В отдел поэзии могли, конечно, войти стихи и басни П. С. Бобрищева-Пушкина, А. П. Барятинского, В. Л. Давыдова, Ф. Ф. Вадковского, В. П. Ивашева. А чем была бы нагружена «подвода с прозой», которую Муханов намеревался послать вслед за стихами? Сведений об этом нет. Но можно не сомневаться, что в отдел прозы прежде всего должны были войти рассказы Николая Бестужева: в культурной жизни Читинского острога он принимал самое активное участие и мимо такой идеи, как попытка выпустить литературный альманах, он никак пройти не мог.

Вот почему можно предположить, что рассказ «Похороны» Бестужев писал для «Зарницы». Если наше предположение правильно,— «Похороны» были написаны именно в 1829 году [22].

Весьма возможно, что название для альманаха было придумано Николаем Бестужевым. Еще в 1818 г. в научной статье, напечатанной им в «Сыне отечества», он объяснял, что такое зарница [23]. Зарницами, которые Бестужев наблюдал в Сибири, он восхищался в письмах к родным и к друзьям, именуя их «великолепными картинами», «великолепными явлениями» [24]. Давая альманаху, задуманному на каторге, название «Зарница», Бестужев и его товарищи вкладывали в это слово глубокий смысл: если в столице не могло быть слышно грома той грозы, которая бушевала в сердцах декабристов, то выпущенный в свет альманах «Зарница» с произведениями заключенных сверкнул бы молнией без грома и служил бы свидетельством того, что революционеры не сломлены и в «каторжных норах» живут умственною жизнью. Но «Зарница» не «блеснула», на свет не появилась, и тем самым не оправдались надежды Муханова, Бестужева и всех сотрудников альманаха, надеявшихся увидеть свои произведения в печати хотя бы под псевдонимом или совсем без подписи. Более того: рукописи, заготовленные для «Зарницы», спустя несколько лет вообще погибли.

Произошло это так. В январе 1833 г. Муханов вышел на поселение. Здесь он мог уже вести переписку со своими петербургскими и московскими друзьями, с чьей помощью все еще надеялся выпустить альманах. Но проект этот кончился катастрофой.

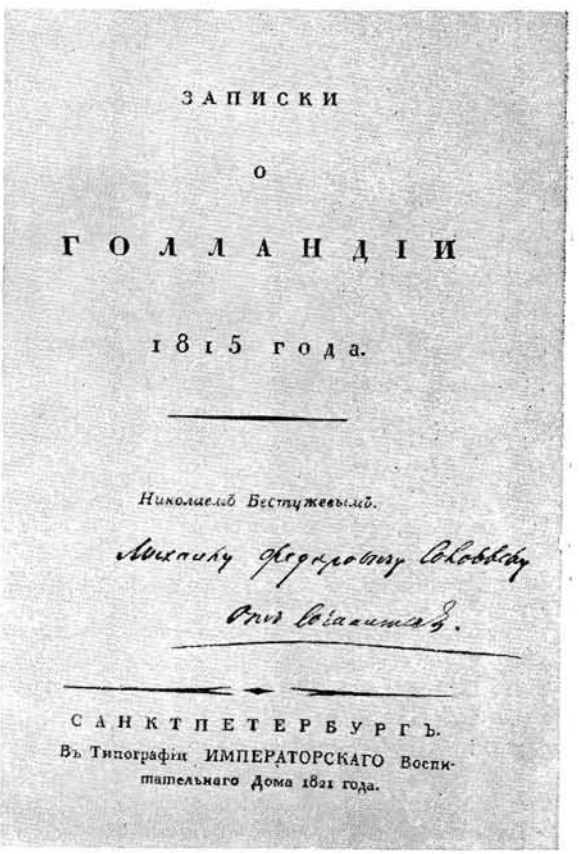
Сохранилась следующая краткая запись беседы, которую редактор «Русской старины», М. И. Семевский, вел в 1869 г. с Михаилом Бестужевым относительно литературных занятий декабристов на каторге: «Муханов устроил литер⟨атурные⟩ вечера, сочинял, переводы устраивал,— рассказывал Михаил Александрович.— Я тоже участвовал: я представил о Шекспир⟨овой⟩ драме; после того я читал морскую повесть, Купер, подражатели, — „Случай — великое дело“ — по просьбе Муханова. Все дамы просили читать, брат Николай читал. Мух⟨анов⟩: „Я поеду на посел⟨ение⟩, напечатаю“... Известие от Мух⟨анова⟩ тайное, были обыски. Я сжег все бумаги,— у тебя черновая — отдай... Окна заклеены» [25]. Смысл этой записи уясняют те страницы воспоминаний Михаила Бестужева, где речь идет о «казематской эпохе» и о том, что стряслось с Мухановым на поселении: «То была самая цветущая эпоха стихотворений, повестей, рассказов и мемуаров. Тогда были написаны те повести, которые недавно напечатаны с именем брата Николая, и многие другие, уничтоженные при периодических мерах строгости или других обстоятельствах. Тогда же был написан целый ряд морских повестей, из коих самые лучшие были сожжены Мухановым при домовом обыске полиции на поселении, по доносу одного чиновника. Все они были отданы ему, как многие сочинения брата Николая, для напечатания... Черновые мы сохранять боялись от казематских обысков, и так все они погрузились в Лету» [26]. В каземате Михаилом Бестужевым была написана повесть о наводнении, которое он наблюдал 7 ноября 1824 г. в Кронштадте.

Вот что сообщает он о судьбе рукописи: «Беловая погублена Мухановым вместе с пятью другими повестями, из коих одна: „Случай — великое дело“ — была очень не худа»[27]. Поступок Муханова, о котором с таким явным осуждением говорит Михаил Бестужев, станет совершенно понятен, если вспомнить судьбу Лунина, находившегося на поселении неподалеку от Муханова: в 1841 г. после «самого строгого» обыска у Лунина были отобраны все бумаги, а сам он заключен в Акатуйскую тюрьму, где вскоре и погиб.

Цитируемые нами строки воспоминаний Михаила Бестужева дают некоторое представление о количестве принадлежавших декабристам литературных произведений, которые были взяты Мухановым с собой по выходе из тюрьмы на поселение: их было немало[28]. И все они погибли в глухой тайге — в том числе и те «многие сочинения брата Николая», о которых говорит Михаил Бестужев. Среди этих погибших произведений находилась, повидимому, и рукопись рассказа Николая Бестужева «Похороны». Вот почему никаких сведений о ней в литературе никогда не появлялось и в списках произведений Николая Бестужева, составленных его братом и сестрой, название рассказа ни разу не было упомянуто[29].

IV

В Читинском остроге и в Петровской тюрьме Лорер принадлежал к числу ближайших друзей Николая Бестужева. Лорер сам не был чужд литературным занятиям и превосходно рассказывал: его устные рассказы о заграничных походах были положены Николаем Бестужевым в основу сюжета повести «Русские в Париже 1814 года». Выходя на поселение, Лорер скопировал некоторые из произведений своих товарищей, в том числе один рассказ Николая Бестужева. Лорер высоко ценил литературный


ЗАПИСКИ

О

ГОЛЛАНДІИ

1815 года.

Николаемъ Бестужевымъ.

Михаилу Федоровичу Соловьеву
отъ сочинителя.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома 1821 года.

КНИГА Н. А. БЕСТУЖЕВА «ЗАПИСКИ О ГОЛЛАНДИИ 1815 ГОДА». ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ М. Ф. СОЛОВЬЕВУ, 1821 г. «Михаилу Федоровичу Соловьеву от сочинителя» Литературный музей, Москва

талант Николая Бестужева и ставил его, как писателя, в один ряд с Александром Бестужевым. В 1833 г., вскоре после отъезда из Петровской тюрьмы, пережив ряд злоключений, Лорер писал Е. И. Трубецкой: «Если б я был Александр или Николай Бестужев, то охотно описал бы Вам, княгиня, со всею подробностию все сии места, хотя вскользь мною виденные; но я как не поэт и притом плохой грамотей, то спешу освободить Вас от утомительного и нескладного рассказа» [30]. А в своих воспоминаниях Лорер прямо называет Николая Бестужева «отличным писателем» [31]. Действительно, отличным писателем выступает Бестужев и в публикуемом здесь впервые произведении.

Предназначая рассказ для печати, Бестужев не мог говорить полным голосом, писать так, как ему хотелось. Тем не менее в рассказе звучит социально-обличительная тема. Рассказ явно направлен против тех, кто сначала был не чужд передовых общественных устремлений, а потом охладел к ним: в молодости покойника отличали «благородные порывы» (здесь вспоминаются пушкинские строки: «мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы»), у него были мысли «прямого, ясного, нелицеприятного изложения». Но с годами он изменился, перешел в другой лагерь. А когда умер, то в кругу «большого света», к которому принадлежал, смерть его не нашла, по существу, никакого отклика.

Бестужев выступает здесь обличителем лицемерия и бездушия «высшего» общества. Мастерской рукой срывает он присущую этому обществу маску приличия, скрывающую холодный эгоизм и полное равнодушие к людям «в этой обширной пустыне, которую зовут большим светом»[32]. Если учесть, что написан рассказ, повидимому, не позже 1829 г., придется признать его одним из первых — по времени — прозаических произведений, в которых обличаются фальшь и душевная пустота аристократических кругов. Вот почему с полным основанием следует считать, что в своей художественной прозе Николай Бестужев в какой-то степени предвосхищает критику светской среды, зазвучавшую в тридцатых годах в прозаических произведениях В. Ф. Одоевского, Александра Бестужева. Когда Николай Бестужев писал «Похороны», не только не были напечатаны, но не были даже написаны произведения этих авторов, в которых обличался «большой свет». В 1834 г. В. Ф. Одоевский опубликовал повесть «Княжна Мими», где светское общество названо «страшным» и где писатель говорит, что оно «держит в руках и авторов, и музыкантов, и красавиц, и гениев, и героев», что «оно ничего не боится — ни законов, ни правды, ни совести»; а за год до этого была напечатана повесть Александра Бестужева «Фрегат Надежда», где изображен «ледяной» свет, в котором «под словом не дороешься мысли, под орденами — сердца», свет — это сборище пустых и самовлюбленных лиц. «Русский Пелам», в котором Пушкин характеризует людей «высшего» общества одним словом «паразиты», и «Рославлев», где дана гениальная зарисовка «светской черни», так и остались неосуществленными замыслами.

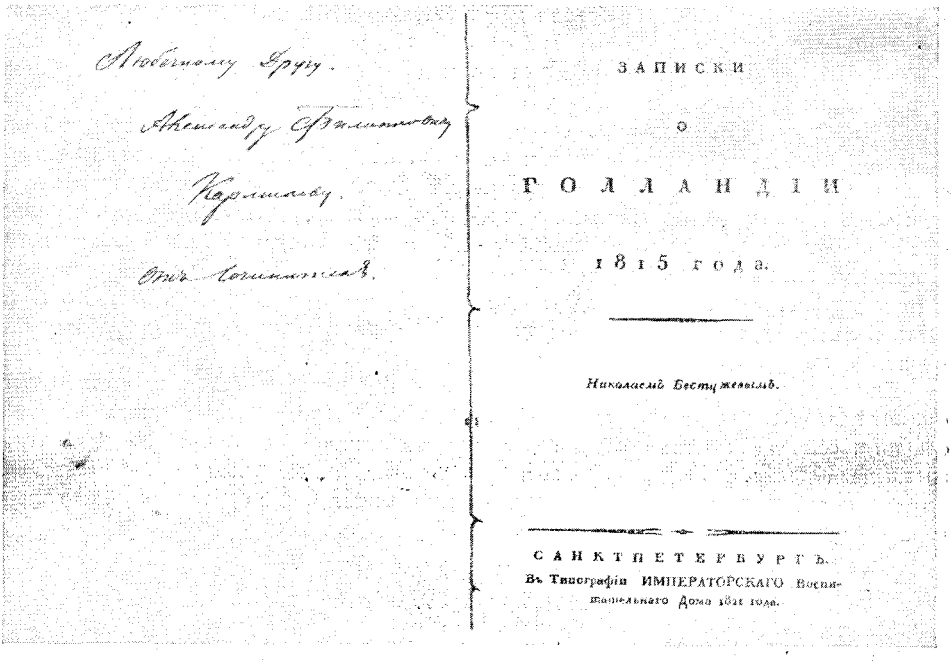
Важно отметить, что ни Петропавловская крепость, ни Шлиссельбургский каземат, ни Читинский острог не сломили Николая Бестужева, не изменили идейной направленности, которая была присуща его прозе в годы, предшествовавшие декабрьскому восстанию. Он и в тюрьме не утратил чувства ненависти к той социальной несправедливости, против которой с оружием в руках вышел на Сенатскую площадь. Через четыре года после ареста и жестокого приговора создает он рассказ «Похороны», где, как и в рассказе «Шлиссельбургская станция», выступает против тех кругов, которые являлись опорой самодержавия и крепостничества. Темы этих рассказов свидетельствуют также, что Бестужев интересовался вопросами личной и общественной морали [33].

Но в исторических условиях николаевской поры литературно-художественные замыслы писателя-декабриста не могли получить, естественно, полного осуществления.

Рассказ «Похороны» не только значителен по мысли, но интересен и по выполнению. Прочитав очерк Николая Бестужева «Об удовольствиях на море», появившийся в «Полярной звезде» на 1824 г., Вяземский, сообщая Александру Бестужеву свое мнение об альманахе, писал: «В прозе предпочтительно понравилась мне статья

вашего брата: есть много занимательности, движения, краски в слоге» [34]. Владимир Муханов, человек широких литературных интересов, писал своим братьям о том же альманахе «Полярная звезда» на 1824 г.: «венец» прозаической части — «ясная проза Бестужева (Н.)» [35].

Называя Николая Бестужева «замечательным писателем», известный французский беллетрист Виктор Д'Арленкур, побывавший в России, приводит в своих мемуарах следующее мнение о нем Н. М. Карамзина: «Если кто-нибудь и мог бы продолжить мои „Письма русского путешественника", то это Николай Бестужев» [36]. Вяземский считал даже, что Николай Бестужев как писатель более даровит, чем Александр. Когда А. И. Тургенев, прочитав в 1843 г. книгу Д'Арленкура, спросил,


Любезному другу.
Александру Филипповичу
Кармилеву.
от сочинителя.

ЗАПИСКИ
О
ГОЛЛАНДИИ
1815 года.

Николаем Бестужевым.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома 1821 года.

КНИГА Н. А. БЕСТУЖЕВА «ЗАПИСКИ О ГОЛЛАНДИИ 1815 ГОДА» ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ А. Ф. КАРМИЛЕВУ. 1821 г.
«Любезному другу Александру Филипповичу Кармилеву от сочинителя»
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

о каком Николае Бестужеве идет там речь, Вяземский ответил: «Д'Арленкур говорит о Николае Бестужеве, который писал в „Полярной звезде" морские письма и сослан в Сибирь. Он в самом деле, говорят, был гораздо умнее и дельнее брата своего, Марлинского, и писал лучше его» [37]. Рассказ «Похороны» написан умелой рукой и по своему художественному уровню не уступает произведениям Николая Бестужева первой половины двадцатых годов (при оценке этого рассказа следует учесть, что в силу каких-то причин он не был, повидимому, окончательно отделан автором).

Александр Бестужев, в то время рядовой Кавказского корпуса, писал братьям в Петровскую тюрьму: «Боже мой, сколько пользы схоронено между вами! Какой бы ход дали литературе руки ваши, если б им дали безделицу — гусиное перо! Неужели они так дороги?». В большей степени, чем к Михаилу, строки эти относятся к Николаю. А два года спустя Александр Бестужев сообщал ему: «Я принялся за перо и написал полуморскую повесть „Фрегат Надежда"; вторая половина ее должна вам понравиться, ибо я чувствую, что моей чернильницей было сердце. Мало-помалу я сам начинаю признавать свое призвание, я чувствую, что в голове моей совершается мир. Может статься, я не буду в состоянии его выразить; но тот, кто напишет на

могиле моей: *он был недосказанный поэт* — не солжет». И далее: «Но ты, Николай, для чего потерян для нашей словесности и ты...»[38]. Через несколько лет с тем же горестным вопросом обратился к Николаю Бестужеву Павел Бестужев. Рассказывая об этом в письме к родным, Николай Александрович тут же поведал о причине, по которой совсем не в полную силу занимался на каторге и на поселении литературой: «Брат Павел писал ко мне ныне письмо, в котором, между прочим, говорит: неужели я отказался вовсе от литературы? И неужели правительство откажет мне в позволении печатать, если я обращусь к нему с просьбою? 〈...〉 Мы же с братом Мишелем, конечно, не отказались бы что-нибудь писать, если б была возможность напечатать, но рука не движется, когда знаешь, что твой труд осужден будет на вечное затворничество в том столе, на котором он родился»[39]. О том же говорила М. И. Семевскому сестра Бестужевых, Елена Александровна: «Жаль, что он весь отдался хронометрам, столярне, точильне, живописи, он был слесарь, золотых дел мастер.— Пиши ты, Николушка,— говорила я.— Да рука не поднимается писать,— отвечал он, — ведь знаю, что это ни к чему не поведет, не напечатают»[40].

Те немногие произведения, которые в виде томика «Рассказов и повестей старого моряка Н. Бестужева» были выпущены Е. А. Бестужевой в 1860 г., уже после смерти автора, вызвали глубокое сочувствие читателей. Вот один из тогдашних отзывов: «Прочитав его „Повести и рассказы старого моряка", всякий видит, что это только пробы писателя в разных родах, но пробы, обещавшие писателя не одностороннего, не пристрастного, не отличавшегося каким-нибудь наружным способом выражения, а писателя умного, дельного, наблюдательного, которого произведения могли бы долго жить в литературе и долго пользоваться уважением критики. В нем вырабатывался писатель, которым бы гордилась русская литература»[41].

Единственное отдельное издание произведений Николая Бестужева вышло около ста лет назад в искалеченном цензурой виде[42]. Его повести, рассказы, путевые записки, очерки и сейчас представляют интерес как памятники реалистической литературы эпохи декабризма. Вот почему пора подумать о новом, дополненном новонайденным материалом издании литературно-художественных произведений Николая Александровича Бестужева

ПРИМЕЧАНИЯ

В основу настоящей публикации рассказа «Похороны» нами положен текст, собственноручно вписанный Лорером в альбом, подаренный им А. А. Каннист. В этот текст внесены исправления в соответствии с копией, сделанной со списка рассказа, переданного Лорером в начале семидесятых годов редакции «Русского архива» (сопоставление обоих списков дало возможность исправить некоторые неточности и восстановить целые фразы, пропущенные в альбомной записи). Тем не менее наличие двух списков не гарантирует полной реконструкции текста несохранившейся авторской рукописи, так как и в одном и в другом из указанных списков имеются явные пропуски и ошибки. Лорер и в молодые годы не был силен в правописании, а рассказ Бестужева он копировал уже стариком, в возрасте семидесяти с лишним лет (орфографическими ошибками и неправильными оборотами речи изобилует и рукопись воспоминаний Лорера, см. замечания М. В. Нечкиной, редактора отдельного издания этих воспоминаний — стр. 14, 408, 419). Вот почему оба его списка изобилуют погрешностями, хотя в распоряжении Лорера и была в свое время подлинная авторская рукопись «Похорон». Вспоминая о Лорере, Михаил Бестужев рассказывал: «Не обладая большою образованностью, он между тем говорил на четырех языках (французском, английском, немецком и итальянском), а ежели включить сюда польский и природный русский, то на всех этих шести языках он через два слова в третье делал ошибку» (Бестужевы, стр. 263). Сам Лорер, по собственному признанию «плохой грамотей», обратился к А. А. Каннист на 80-м листе альбома со следующей просьбой: «Когда будете читать мои *выписки*, которые я не успел просмотреть, прошу Вас, добрейшая Александра Алексеевна, Вашей рукой исправить некоторые погрешности 21-го декабря 1866». Так, Лорер сам признавал, что в текст рассказа «Похороны», вписанный им в альбом, могли вкрасться те или иные ошибки. Явные описки исправлены нами без оговорок, а слова, по нашему предположению пропущенные, заключены в угловые скобки.

[1] Совершенно несомненно, что в различных изданиях 1810—1820-х годов могут быть обнаружены произведения Николая Бестужева, которые были им самим напеча-

ганы анонимно в период до 14 декабря. Так, например, его перу, по нашему мнению, принадлежит рецензия на книгу В. Б. Броневского «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Синявина, от 1805 по 1810 год», появившаяся без подписи в «Сыне отечества», 1819, ч. 51, № 3, стр. 132—136 (нашу атрибуцию см. во втором полутоме, в исследовании «Николай Бестужев и его живописное наследие», прим. 197).

[2] Г. Е. Павлова. Декабрист Николай Бестужев — историк русского флота. М., 1953.

[3] С. В. Капнист. Воспоминания. Редакция и примечания Ю. Г. Оксмана.— «Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. I, стр. 314 и 339.

[4] Там же, стр. 398. — В воспоминаниях С. В. Капнист целая глава (седьмая) посвящена Лореру: она написана на основе рассказов самого декабриста о его пребывании в Петропавловской крепости, в Читинском и Петровском острогах, на поселении и в Кавказском корпусе.

[5] На последней странице рукописи воспоминаний помечено: «Сельцо Водяная. Августа 5-го 1867 г.» (Лорер, стр. 275).

[6] Вадим Модзалевский. Малороссийский родословник, т. II. Киев, 1910, стр. 294.

[7] «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет». Вступительная статья и примечания С. В. Бахрушина. М., 1929, стр. 152.

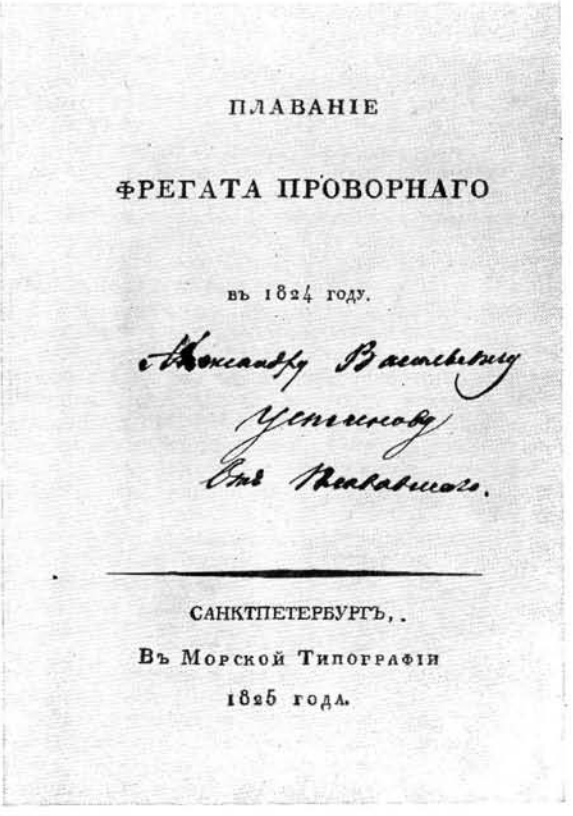
В 1871 г. Б. Н. Чичерин женился на А. А. Капнист (см. «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и московская дума». М., 1934, стр. 42—45). В 1889 г. поэт П. И. Капнист посвятил ей стихотворение (см. Сочинения П. И. Капниста, т. I. М., 1901, стр. 152).

[8] Шифр альбома — ф. ОР, 59/16, лл. 17—22 об.

[9] Одоевский, стр. 399.

[10] Лорер, стр. 419—420.— Несмотря на такое указание, Л. А. Лебедева в своей диссертации «Литературная деятельность декабриста Н. А. Бестужева» (Иркутский гос. университет имени А. А. Жданова, 1948) ни словом не упоминает о рассказе «Похороны».

[11] Рукописные материалы, хранившиеся в Фундаментальной библиотеке общественных наук Академии наук СССР, в 1944 г. были переданы в московское


ПЛАВАНІЕ

ФРЕГАТА ПРОВОРНАГО

въ 1824 году.

Александру Васильевичу Устинову от плававшаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,.

Въ Морской Типографіи

1825 года.

КНИГА Н. А. БЕСТУЖЕВА «ПЛАВАНИЕ ФРЕГАТА ПРОВОРНОГО В 1824 ГОДУ». ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ А. В. УСТИНОВУ, 1825 г.

«Александру Васильевичу Устинову от плававшего»

Собрание И. М. Саркизова-Сразини, Москва

отделение Архива АН СССР, но в это время рукописи Лорера в Фундаментальной библиотеке уже не было.

[12] «Русский архив», 1874, № 9, стр. 703—708. — Письмо Бриггена к Розену, здесь опубликованное, в действительности представляет собою несколько отрывков из двух его писем, текст которых в «Приложении» приведен полностью. — Указание на то, что рукопись Лорера была передана в «Русский архив» им самим, сделано П. И. Бартеневым при первой публикации отрывков из «Записок»: «Печатается с подлинника, сообщенного покойным автором († в мае 1873)» («Русский архив», 1874, № 2, стр. 361).

[13] «Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей. Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII—XIX вв. (из фондов Отдела рукописей)». М., 1951, стр. 96.

[14] Шифр копии «Записок» Лорера и «Прибавления» из бумаг «Русского архива» — М. 6051 (две папки). Текст рассказа «Похороны» находится на лл. 64—69 второй папки.

[15] З а в а л и ш и н, стр. 273.

[16] Не существует никаких документальных данных, которые позволяли бы утверждать, как это делают некоторые исследователи, что рассказ «Шлиссельбургская станция» был написан во время пребывания Бестужева в Петровской тюрьме в 1830—1831 гг. (см.: Б е с т у ж е в ы, стр. 624; «Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика». Составил Вл. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 641). Больше оснований предполагать, что над этим рассказом Николай Бестужев начал работать еще в Читинском остроге (где он написал и миниатюрный портрет Л. И. Степовой, образ которой запечатлен в рассказе «Шлиссельбургская станция»; об этом портрете см. во втором полутоме, в нашем исследовании «Николай Бестужев и его живописное наследие».

[17] П. Н. А р а п о в. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 320.

[18] «Ты привык получать от меня письма об делах твоих», — так начинает Муханов письмо к Рылееву от 13 апреля 1824 г. («Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева». Изд. 2. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1874, стр. 305).

[19] Михаил С о к о л о в с к и й. Эпизод из истории русской военной журналистики. — «Русский инвалид», 1903, № 190, от 29 августа; ср. А. А. С и в е р с. П. А. Муханов. Материалы для биографии. — «Памяти декабристов», I, стр. 158.

Сохранилось письмо Муханова к известному военному историку А. И. Михайловскому-Данилевскому с предложением принять участие в организуемом им журнале («Русская старина», 1900, № 10, стр. 217—218).

[20] Б е с т у ж е в ы, стр. 292; ср. стр. 290. — Под «дамами» М. А. Бестужев подразумевает жен декабристов, добровольно последовавших в Сибирь за своими мужьями; они не были лишены права переписки.

[21] Автограф письма сохранился в Остафьевском архиве Вяземских (ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 2449, л. 1). На то, что автор письма — Петр Александрович Муханов, впервые указал И. А. Кубасов (О д о е в с к и й, стр. 72). Письмо приводится нами с некоторыми исправлениями пунктуации и орфографии.

Следует отметить, что буквами Z. Z. Муханов подписывал свои письма и до ареста (см., например, письмо его по литературным вопросам к М. П. Погодину, относящееся к периоду до 14 декабря и подписанное теми же буквами. — ЛБ, шифр Пог/II, 46/40). Это и дало основание Погодину, выпустившему в 1826 г. «Уранию», поставить те же буквы под очерком Муханова, напечатанном в альманахе.

«Галатея» — еженедельный журнал, издававшийся С. Е. Раичем в Москве с января 1829 г.

[22] В отдел прозы альманаха «Зарница» должны были войти, конечно, и произведения Муханова. Весьма возможно, что произведения эти были записаны в те тетради, которые Муханов передал для отправки в Россию Х. М. Дружинину, участнику Оренбургского тайного общества, находившемуся в заключении в Читинском остроге вместе с декабристами, а в августе 1830 г. вышедшему на поселение; Дружинин запрятал эти тетради вместе с несколькими письмами декабристов в ящик с двойным дном. О том, что находилось в ящике, узнал провокатор Медокс, который и донес об этом жандармам (см. С. Я. Ш т р а й х. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 1929, стр. 111).

[23] Флота лейтенант Николай Б е с т у ж е в. О электричестве, в отношении к некоторым воздушным явлениям. — «Сын отечества», 1818, ч. 50, № 46, стр. 31.

[24] «Письма из Сибири декабристов М. и Н. Бестужевых», вып. 1. Селенгинский период 1839—1841. Иркутск, 1929, стр. 107. — Письмо Николая Бестужева к И. И. Свиязеву от 2 августа 1851 г. из Селенгинска.— Не издано; Архив Бестужевых, ед. хр. 23, лл. 56 об.—57.

[25] Цитируем по автографу записи М. И. Семевского. — Архив Бестужевых, ед. хр. 2, л. 127 об.; неточно — Б е с т у ж е в ы, стр. 391.

[26] В одном из своих позднейших писем И. И. Пущин, рассказывая о переведенных им в Читинском остроге записках Франклина, сообщает о судьбе этой рукописи следующее: «Послали ее и другие переводы к одному родственнику Муханова, здешнего моего товарища, — все кануло в море: ни слуху, ни духу. Сколько ни справлялся, ничего нет.

Черновую рукопись я истребил по случаю бывшего тогда тюремного осмотра. Нельзя было сохранить эту контрабанду: чернила были запрещены» (П у щ и н, стр. 156).

[27] Б е с т у ж е в ы, стр. 158, 285. — Сохранилось авторитетное свидетельство Е. И. Якушкина (сына декабриста) о том, что Николай Бестужев передал в конце 1832 г. Муханову, уезжавшему из Петровской тюрьмы на поселение, рукопись своих воспоминаний о Рылееве (см *Е. Я.* По поводу воспоминаний о К. Ф. Рылееве. — «Девятнадцатый век», кн. I. М., 1872, стр. 351). Это может служить прямым подтверждением того факта, что Муханов, уезжая из Петровской тюрьмы, увез с собой интереснейшие произведения декабристов, там написанные.

[28] Характерно, что еще в 1845 г. В. К. Кюхельбекер в письме к М. Н. Волконской послал для Муханова свое стихотворение «Тень Рылеева»: «В качестве чего-то, что может заинтересовать Муханова, посылаю Вам стихи, совершенно забытые их автором. Казимирский их воскресил. Они были созданы в Шлиссельбурге в 1827 году» («Лит. наследство», т. 59, 1954, стр. 471).

[29] Список печатных и рукописных произведений Николая Бестужева, составленный его братом Михаилом, — см. в изд.: «Воспоминания Бестужевых». М., 1931, стр. 326. Список, составленный Е. А. Бестужевой, приложен к письму ее к Н. Д. Свербееву от 10 ноября 1859 г. (ЦГИА, Отдел личных фондов, ф. № 1063, оп. 1, ед. хр. 64).

[30] Текст своего письма к Е. И. Трубецкой Лорер вписал в альбом, подаренный Капнист, — лл. 73—75.

[31] Л о р е р, стр. 148.

[32] Письмо Николая Бестужева к сестрам от 8 января 1847 г. из Селенгинска. — Не издано: Архив Бестужевых, ед. хр. 9, л. 257.

[33] Этические проблемы занимали важное место среди тех проблем, которые интересовали Николая Бестужева и до его заточения в тюрьму. О высоких моральных качествах Николая Бестужева свидетельствует, в частности, пространное письмо его к брату Александру, относящееся к 1816—1817 гг.; здесь имеются такие строки: «Всякий человек, прежде нежели сделается военным, бывает человеком; оставя военную службу должен также быть человеком, следовательно, права и поступки каждого должны всюде быть одинаковы, сколько бы раз он ни переменял свое состояние» («Памяти декабристов», I, стр. 8—14).

[34] В. Е. Я к у ш к и н. К литературной и общественной истории 1820—1830 годов. — «Русская старина», 1888, № 11, стр 323.

[35] «Письма Владимира Алексеевича Муханова братьям, 1824—1831 гг.» — «Щукинский сборник», вып. V. М., 1906, стр. 271.

[36] Vicomte d'Arlaincourt. L'Étoile Polaire. Paris, 1843, t. I, p. 332—333. («Письма русского путешественника» Д'Арленкур в своих воспоминаниях ошибочно именует «Voyage de Russie»). Возможно, что отзыв Н. М. Карамзина о Николае Бестужеве сообщил Д'Арленкуру Д. Е. Василевский, наставник и близкий друг Бестужева; о своем знакомстве с Д'Арленкуром Василевский писал Николаю Бестужеву из Парижа 10 сентября 1821 г. (Архив Бестужевых, ед. хр. 16, л. 12 об.).

[37] «Ост. архив», т. IV стр. 236 и 239.

[38] Первое письмо датировано 14 мая 1831 г., второе — 15 января 1833 г. — «Русский вестник», 1870, № 6, стр. 510 и № 7, стр. 48; цитируем по автографам, хранящимся в ИРЛИ (Архив Бестужевых, ед. хр. 11, лл. 117 об. и 140 об.).

[39] Письмо от 28 февраля 1840 г. — «Письма из Сибири декабристов М. и Н. Бестужевых», стр. 36—37.

[40] Б е с т у ж е в ы, стр. 410. — Характерно, что когда в 1854 г. Николай Бестужев, уже пятнадцать лет находившийся на поселении, прислал в Петербург И. И Свиязеву агрономическое описание Забайкальского края с просьбой поместить в «Журнале министерства государственных имуществ», то Свиязев для напечатания даже «без обозначения имени автора» счел нужным обратиться за разрешением в III Отделение. Резолюция Дубельта гласила: «Можно, но никак не упоминая ни имени, ни места откуда» (см «Письма из Сибири декабристов М. и Н. Бестужевых», стр. 126).

[41] «Заметки неизвестного о декабристах и о русских моряках прежнего времени». — «Щукинский сборник», вып. IV. М., 1905, стр. 177.

[42] Даже через четыре года после того, как Николай Бестужев умер, и через три года после того, как оставшиеся в живых декабристы были амнистированы, официальные цензурные инстанции не разрешали выпустить это издание под фамилией автора. «Вот уже около месяца, как я тщетно до сих пор хлопочу об отмене запрещения здешнего цензурного комитета и самого министра печатать сочинения брата Николая под собственной его фамилией», — писала 15 декабря 1859 г. Е. А. Бестужева Н. Д. Свербееву (ЦГИА, Отдел личных фондов, ф. № 1063, оп. 1, ед. хр. 64). Лишь в следующем году ей удалось добиться разрешения на выпуск этой книги под названием «Рассказы и повести старого моряка Н. Бестужева».

Некоторая часть тиража издания 1860 г., оставшаяся нераспроданной, была выпущена Е. А. Бестужевой в 1874 г. в новой обложке и под видоизмененным названием: «Морские сцены, повести и рассказы старого моряка Н. Бестужева».

ПОХОРОНЫ

«Г-жа N.N. с малолетними детьми, с прискорбием извещая о кончине супруга ее N.N., случившейся сего августа в день, просит пожаловать числа на погребение и вынос тела из дому, состоящего в N части в квартале и проч.»

Неожиданная смерть этого человека, на погребение которого приглашали, была причиною моего чрезвычайного удивления. Еще не прошло недели, как я видел его в цвете лет, окруженного милым семейством, женою и детьми, посреди блестящего круга знакомых, игравшего знатную роль в большом свете, где все обещало ему светлую будущность. Мы были с ним знакомы с детства, даже в летах первой молодости, я думал, что мы были дружны, но вскоре различная участь наша, оставившая меня на той же ступени, где я стоял, и призвавшая его в круг большого света, разочаровала меня. Мы остались знакомы, т. е. я получал приглашения на свадьбу, обеды и прочее; но развлечения и обязанности и все, что называется жизнью большого света, не оставляли бывшему другу моему времени, чтоб позаботиться о дружбе нашей. Изредка только, если случалось ему заставать меня дома, когда у него было намерение оставить карточку, он забегал ко мне на минуту, а иногда, забываясь, при воспоминании старинных наших связей, оставался на несколько часов; но тут я видел всегда другого человека от прежде бывшего товарища. Его живость исчезла, вместо благородных порывов, столь приятных в юноше, заступила какая-то равномерная важность, вместо простосердечной остроты, доставлявшей нам некогда приятные минуты, явилась тонкая ирония, которой наружность носила на себе печать строжайшего приличия, но которой смысл всегда был ядовит; образ его мыслей, суждений лишался прежнего прямого, ясного и нелицеприятного изложения. Вместо оных являлось всегда осторожное, не полное, иногда двусмысленное мнение, от которого он готов был отпереться каждую минуту.

Мы с ним были несогласны во многом: он упрекал меня, что я не люблю большого света; я приводил в свое оправдание его собственную перемену; он доказывал, что большой свет не любит излишеств и порывов; я видел во всем этом свете одну только холодность; на это он отвечал, что все защищаемое мною составляет одни странности и что я с ними — *оригинал*, а это большая брань в большом свете, и, следственно, будучи *оригиналом*, я не мог быть другом светского человека.

Как бы то ни было, я все любил его и когда получил приглашение на похороны, мне стало горько известие о его безвременной кончине; я представлял себе горесть жены, детей и домашних, участие знакомых и собрался на похороны, чтоб разделить общее чувствование печали с теми, кои, подобно мне, казалось, всегда были расположены к этому человеку.

Я не поспел на вынос и должен был проехать прямо в церковь. Там, посредине стояла высокая катафалка. Ступени ее были обиты черным сукном; бархатный балдахин со множеством страусовых перьев и гербом фамилии осенял стоявший на катафалке гроб; множество свеч горело кругом; множество людей всякого звания волновались около гроба; священство, пение, молитвы, дым кадильный, окружавший облаками сию необыкновенную сцену, — все это возбудило во мне скорбное ощущение. Воображение, развивая все происшествия первой жизни моей цепью, которой первое звено составляло нашу дружбу с покойным, невольно приковывало последнее кольцо этой цепи к гробу, передо мной стоявшему. Мысли быстро катились и наполняли грудь; наконец ей стало тяжело. Я забылся и заплакал; слезы мои катились не долго; меня пробудил от моей забывчивости глухой шум полувнятных вопросов, полуотвеченных слов, — я окинул

Похороны.

Г-жа N: N: — съ малолѣтными дѣтьми, съ прискорбиемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея N: N: случившейся сего Августа въ — день, проситъ пожаловать числа на погребеніе и выносъ тѣла изъ дому состоящаго въ N: кварталѣ, и пр. проч:

Неожиданная смерть этого человѣка на погребеніе котораго приглашали меня, была причиною моего чрезвычайного удивленія. Еще не прошло недѣли, какъ я видѣлъ его въ цвѣтѣ лѣтъ, окруженнаго милого семейства, женою и дѣтьми, посреди блестящаго круга знакомыхъ, игравшаго значущую роль въ большомъ свѣтѣ, гдѣ все обѣщало ему свѣтлую будущность. Мы были съ нимъ знакомы съ дѣтства, даже въ лѣтахъ первой молодости, я думаю что мы были дружны, но вскорѣ различная участь наша оставившая меня на ~~тойъ~~ той же степени гдѣ я стоялъ и призвавшая его въ кругъ большаго свѣта, разочаровали меня; мы остались знакомы: т: е: я получалъ приглашеніе на свадьбу, обѣды и прочее; но развлеченіе и обязанности и все что называется жизнью большаго свѣта, не оставляли бывшему другу моему времени чтобъ позаботиться о дружбѣ нашей. — Изрѣдка только, если случалось ему заставать меня дома, когда уже было неизбѣжно оставить карточку, онъ забѣгалъ ко мнѣ на минуту и иногда забывался при воспоминаніи старинныхъ

РАССКАЗ Н. А. БЕСТУЖЕВА «ПОХОРОНЫ», ВПИСАННЫЙ Н. И. ЛОРЕРОМ В АЛЬБОМ, ПОДАРЕННЫЙ ИМ А. А. КАПНИСТ, 1866 г.

Лист первый

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

глазами собрание и увидел, что взоры всех были обращены на меня. Тут я только вспомнил, что нахожусь посреди большого света, где приличие должно замещать все ощущения сердца и где наружный признак оных кладет печать смешного на каждого несчастливца, который будет столько слаб, что даст заметить свое ‹внутреннее› движение. Признаюсь, к первой слабости я прибавил другую: мне стало стыдно, — я удалился в угол и, мало-помалу оправившись от замешательства, стал равнодушнее замечать, что предо мною происходило.

Но там ничего не происходило. Казалось бы, что этот обряд должен был сопровождаться чувствованиями, приличными сему торжественному действию, где смерть похитила у семейства супруга, отца, подпору, где каждый член осиротелой семьи внезапно потрясен печальною переменою образа жизни, милой привязанности, где скорбь так прилична, где слезы так необходимы. Но это с большим великолепием отправленное погребение было так же монотонно, как обед, бал или свадьба в большом свете. Супруга и дети покойного, по этикету, должны были оставаться дома; другие родственники, провожавшие гроб, не имели причин ни радоваться, ни печалиться; остальные поезжане или были приглашены также по этикету и с нетерпением ожидали конца похорон или любопытствовали видеть богатый гроб и пышность, окружавшую бренные останки человека большого света.

И так, ни в одном глазе не было слез; не было печального лица, какое-то убийственное равнодушие и холодность царствовали во всем этом сборе, который волновался, прибывал, убывал и не производил на душу никакого впечатления. Сначала по заботливости, с какою некоторые дамы обыскивали свои ридикюли, чтобы удостовериться, с ними ли скляночки спиртов и солей, я полагал, что печальная сцена не обойдется без обмороков, слез и других припадков женской чувствительности; но похороны миновались без всякого случая, подобного грозе, пронесшейся над городом, где много громовых отводов, молча выискивающих молнию, не давая ей разразиться. Думаю, что в самом деле спирты и духи служили сими отводами.

Наконец, обряд был совершен. Меня всегда утомляла эта торжественность, в которой никто никогда не принимает участия, как будто все сии приготовления делаются вовсе не для тех, кои на них приглашаются.

Я был рад, когда кладбище мало-помалу опустело, и я остался один между мертвых, столь же безмолвных и холодных, как люди того сословия, откуда я только что вырвался.

Долго ходил я между гробов и собирался идти домой, как вдруг сквозь ограду кладбища увидел что-то необыкновенное, привлекшее мое внимание, но чего я не мог рассмотреть, ибо начинало уже смеркаться — и движение черного предмета, попеременно скрывавшегося и появлявшегося из-за памятников и кустов, мешало определить образ оного.

Я был в самом отдаленном краю кладбища и, видя, что предмет моего любопытства приближается к воротам, сел на могилу в ожидании развязки; наконец оный показался, повернул ко мне и я увидел, что это были похоронные дроги со стоящим на них черным гробом. Лошадь была покрыта черною попоною; лошадью правил человек в черной же епанче, в большой шляпе с распущенными полями. За гробом не было никого, но когда дроги приближались, я увидел большую черную собаку, которая шла с опущенной головою и повисшими ушами, изредка оглядываясь на стороны, и боязливо поджимала хвост при малейшем шуме, производимом колесами повозки около кустарников или голосом кучера, ободрявшего тощую и уставшую лошаденку.

— Кого ты привез, любезный друг? — спросил я повозчика.

— Бедного старика, — отвечал он, — которого полиция хоронит от себя.

— Разве у него не было никого родных или знакомых?

— Никого, кроме этой собаки, которую я не могу отбить от гроба.

Эти слова поразили меня, я не мог отказать движению участия, взволновавшему мою душу, встал и пошел за гробом. Собака сначала отбежала на несколько шагов, но я кликнул ее и она, будто бы узнав мои внутренние побуждения, приблизилась опять и хотя не отвечала на мои ласки, но шла со мною рядом без боязни, изредка только помахивая хвостом, когда я время от времени хотел ее погладить.

Я привел себе на память утренние сцены, но мысли мои так были встревожены нечаянностью этой встречи, что я не мог себе дать отчета, нахожу ли сходство между теми и другими похоронами или вижу между ними какую-нибудь разность. Впрочем, мне было не до сравнений. Гроб подъехал к самому дальнему концу кладбища, где стояла маленькая избушка, из которой вышел навстречу могильщик; он узнал полицейского повозчика и с досадою сказал:

— Опять бедняк! От этих голяков только натираем мозоли без всякой выгоды, — и так поздно! Нельзя отдохнуть после дневного труда.

— Не печалься, добрый старик, — сказал я, выступая из-за гроба, — потрудись закопать этого покойника, он остался не без друзей и приятелей, я заплачу́ тебе за труд твой.

Могильщик в удивлении снял шляпу, повозчик обернулся ко мне, посмотрел с изумленным видом, ибо он не заметил, что я следовал за мертвым, слез с козел, и оба, ни слова не говоря, начали снимать гроб, поглядывая на меня искоса. Один взялся за лопату, другой хотел оборачивать лошадь, но я посулил ему на водку, если он поможет спустить гроб в могилу. Он покачал головою, сложил руки, оперся на дроги и в таком положении остался ждать конца действия.

Могила была вырыта, начали опускать покойника. Собака, стоявшая в одинаковом положении подле гроба, в эту минуту подняла жалостный вой, начала бегать кругом, наконец, спрыгнула в яму и, не взирая на усилия могильщика, не хотела оттуда вылезть. Если он хотел взять ее, она лаяла, грозила зубами, глаза ее горели, шерсть поднималась щетиной.

— Ударь ее заступом, — сказал повозчик, — пусть останется в одной могиле с хозяином: ведь он и сам умер, как собака.

— Боже сохрани! — сказал я с негодованием. — Я хозяин собаки с этой минуты — и никто не смей тронуть ее!

Но могильщику не нужно было увещания: ему стало жаль собаки. Он оперся на заступ, опустил голову на руки и с сожалением смотрел на нее.

— Что же мне делать, барин? — сказал он тихим голосом, по которому заметно было внутреннее его движение.

Я слез в могилу и старался приласкать собаку. Она не лаяла, не злилась за то, что я гладил ее, но когда ⟨я⟩ хотел ее брать, она поднимала такой страшный вой, что руки мои невольно опускались от ужаса. Наконец, мне удалось накинуть ей на шею петлею платок и вытащить ее из могилы.

Когда засыпали яму, бедное животное сделалось тише. Я заплатил обоим рабочим, велел могильщику выложить могилу дерном и хотя с трудом, но потащил собаку за собою, несмотря на ее визг и упорство. За кладбищем она успокоилась и вскоре я повел ее без сопротивления.

Если нравственные чувствования в человеке располагают людей в его пользу, если непритворная горесть, если скорбь несчастия заставляют нас принимать участие в разумном существе, одаренном душою чувствительною, долженствующею необходимо быть хранилищем сих ощущений, сколь более неожиданность встречи сих благородных свойств разительна в животном, которого грубый *инстинкт*, как называют его люди, простирается не далее потребностей самосохранения.

Конечно, инстинкт может научить собаку подавать платок, отыскивать потерянную вещь и делать множество других фиглярских затей, но не он научил ее любить даже до самоотвержения.

В этот и на другой день напрасно я старался обласкать и накормить нового знакомца; он лежал в углу, печально отвечал на мои ласки легким движением хвоста; часто подходил к запертой двери, и когда она отказывалась уступать его лапе, он с жалостным стоном опять ложился на старое место.

Я привязался чрезвычайно к этой собаке, придумывал разные способы, как бы ее заставить есть; наконец, уже на третий день мне пришло в голову сводить ее на могилу хозяина и там попробовать ее накормить. Истощавшая и слабая, она с радостным лаем бросилась за мною, бодро добежала до кладбища, но почти обессиленная и с знаками прежней горести легла подле свеже-сложенной дерновой могилы. С полчаса, как бы уважая ее горесть, я не смел начать моего испытания, но после, сев на могилу, положив ее голову к себе на колени и с обыкновенными ласками растворив ей рот, положил небольшой кусок мяса. Нельзя представить моей радости, когда я увидел, что она проглотила этот кусок! Я дал ей другой, третий, наконец, столько, что было довольно для ее подкрепления.

Коротко сказать, моя собака отказывалась всегда есть у меня дома, принимала пищу только на могиле и убегала всякий раз туда, как скоро находила возможность; но я не терял надежды мало-помалу приучить ее к себе, водил ее на могилу и, чтоб она не бегала туда без меня, запирал ее вверху в комнате, куда ходил сам.

Однажды я собрался вести в обыкновенное время моего пленника, к которому я более и более чувствовал привязанность, как один мой знакомый посетил меня с известием о некотором важном деле. Прогулка была отложена, я запер опять собаку вверху и занялся разговором. Важность предмета похищала минуту за минутою, несколько часов прошло, но материя не истощалась, — как вдруг услышали мы оба будто на улице что-то упало. Знакомец мой сидел подле окна и, выглянув, посмотрел во все стороны, но, ничего не видя, спокойно продолжал разговор; прошел еще час, пока мы кончили беседу, и когда он ушел, я в ту ⟨же⟩ минуту бросился наверх, зная тоску бедного животного, если урочное время проходило, и что же?.. В ужасе увидел только пустую комнату, в коей растворенное окно разительно объяснило мне загадку падения, слышанного нами во время разговора!..

Я выбежал на улицу, полагая, что невозможно сойти с места после такого скачка; но там ничего не было, кроме нескольких капель крови! Я побежал на кладбище.

И точно — верная собака дошла до кладбища, вползла на могилу, и когда я подошел к ней, она едва собралась с силами приподнять голову. Я не знал, что делать: оттирал ее, ласкал, но ни ласки, ни попечения не помогали. Через несколько минут она подняла голову, поглядела на меня такими глазами, выражение которых было значительнее тысячи слов, полизала мне руку — и умерла!..

Я прошу прощения у тех людей, которые найдут мой рассказ о собаке слишком долгим. Заключу тем, что, по-моему, нет памятника, более говорящего сердцу, как тот, который поставлен после сего на Немецком кладбище Васильевского острова Гансу Дитриху Гантвиху и на котором лежит мраморное изображение верной собаки...